

Шулунов К.Е.

Карл Ефимович Шулунов, чудесный сибирский живописец, вырос в прибайкальской степи, где по соседству в добром, искреннем ладу жили буряты и русские, где причудливым, цветистым клубком сплелись русские и бурятские обычаи, обряды, речения. Отчего в душе художника, а потом и в живописи, избежавшей новомодной шаманской неистовости, слились и степная, по-буддийски отчужденная от суетного мира созерцательность, и по-русски ласковая православная любовь к ближнему, коя и есть земное воплощение любви ко Всевышнему.

С мудростью созерцательных и певучих степняков, с русской удалью, с любовным знанием сибирской природы и сыновьим поклоном матери-сырой земле российский художник Карл Ефимович Шулунов запечатлел в картинах бурятскую народную и русскую народную жизнь.

Искусство покорно лишь Божьему дару и труду, а возраст не помеха — художники талантливые произведения рождали во всякие лета: и в ранней юности, и в матёрой зрелости, и в умудренной старости. Изрядно послужил Карл Ефимович заказному, прикладному творчеству; но не иссякла душа художника, не утратилось живописное мастерство. И певучий голос предков — чабанов-кочевников из эхиритов, булагатов и хондогоров, — голос то гортанный, то по-девы нежный и грустный, дотоле дремавший в душе, однажды пробудился, и степным миражом ожили видения, воплощаясь в живописных холстах.

Виделась степь в зеленой мураве, и белая, сухая — сагаан гоол и сагаан хээрэ, где в синеватых сумерках пасутся кони, где вольная воля созерцательному взору и блаженному воображению; виделись саянские хребты с белыми гольцами, похожие на кочевые юрты; виделись березовые гривы с вешними цветами-ургуями и степь в синеватом мерцании цветов ая-ганга, а по степным увалам летели в лихом аллоре кони с юными наездниками, и с шипящим свистом летели стрелы в кожаную мишень сур — то степняки праздновали сурхарбан; а потом виделись древние буряты с лицами медных божков-бурханов; виделись и молодые, что хороводом вились вокруг костра в танце-ёхоре, и пламенные всплески сеяли искры в засиневшее

предночное небо... Видения всплывали из памяти и замирали на холстах, словно ожившие в цвете бурятские улигеры¹, словно стихи степных поэтов:

Вы слышали когда-нибудь
О траве голубой — ая-ганга?
Ее имя, как отзвук
Старинного медного гонга.
У нее суховатые
Колкие стебли,
От нее синеватые
Наши бурятские степи...

* * *

Дым и горек до слез,
Дым и сладок до слез,
И сегодня я вам
Ая-ганга принес...

Дондок Улзытуев

Будь у меня голос, —
Атласный, гортанный,
Словно гарцующая
На цыпочках сабля,
Пел бы о бурятках,
Коричневых, как земля,
Об алых саранках,
Сорванных на скаку,
О пылающем солнце,
Запутавшемся в ковылях...
Будь у меня голос.

* * *

Здесь женщины смуглы —
Они в долинах целовались с солнцем.
В них молоко томится,
Мечтая жизнь вскормить.
А брови гнутые над изумленьем глаз —
Как ласточек стремительные крылья...

Намжил Нимбуев

Карл Ефимович Шулунов — художник, с любовью воспевавший родную землю и земляков, и путешественник, исколесивший Сибирь вдоль и поперёк, и мореплаватель, капитаном-судоводителем ходивший по Байкал-морю на судне «Алаир²». Для сего даже обучался в мореходной школе... Я опрометчиво думал-гадал: сухопутный уроженец степей и лесов, и вдруг — мореплаватель; впрочем, давным-дав-

¹Улигеры — народные эпические поэмы.

²Алаир — мифический герой, что после смерти родителей поселился у реки Ангары. Женился, и от Алаира пошло племя алаирских (аларских) бурят, ныне живущих в Аларском районе Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области.

но ведаю я чудную и чуждую тягу степняков к морям и океанам. Но, оказалось, в детстве и отрочестве художник жил на северном берегу Байкала...

Богатый живописный улов привозил Карл Ефимович из байкальских морских и сухопутных путешествий: скажем, из Тункинской долины, что в отрогах Саянского хребта, сверкающего в синем поднебесье ослепительно-снежными гольцами. Знатоки живописи, собраты по искусному ремеслу, похвально оценивая, видели его пейзажи, портреты, сюжетно-бытовые, исторические картины на областных и столичных выставках, а избранные произведения ныне в частных коллекциях Иркутска, в музеях страны и за рубежом.

Карл Ефимович с любовью запечатлел характеры степняков, их нравы... Вот картина, где отец вдохновенно и ласково вскидывает над степью малого отрока — потомка рода, чтобы узрел степную и небесную красоту. А вот «Мудрецы» — унылый и безунывный, как две стихии народных характеров. Серия картин бурятского степного бытия, жанровые картины «Сибирские партизаны», «Казачья лава» — вершинные произведения художника, хотя создавались холсты на опасной грани вольного художества и книжной иллюстрации, а может, и плаката, но спасла живописность, живая реальность образов.

Историю Сибири и родного бурятского народа, его степные и таежные мифы и легенды, вольную и могучую, нежную и задумчивую природу Прибайкалья, Приангарья, Присяянья воспел самобытный художник Карл Ефимович Шулунов, утверждая в зрительских душах любовь к малой родине, из которой взрастает и любовь к Великой Родине, к России.